

ГЛАВА I

Ну что ж, мы скажем в извиненье речь
Иль так войдем, без всяких объяснений?

*Уильям Шекспир.
Ромео и Джульетта*

Глубокий, живописный и вместительный Нью-Йоркский залив, вдающийся в Американский материк между 40° и 41° широты, образован слиянием рек Гудзон, Хакенсак, Пассейник, Раритон и бесчисленных речушек, которые несут свою дань океану. Острова Нассау и Статен-Айленд прикрывают побережье от океанских штормов, а глубокие и широкие заливы, длинными языками врезающиеся в сушу, обеспечивают самые благоприятные условия для заморской торговли и сношений внутри страны. Своим необычайным расцветом город Нью-Йорк обязан счастливому сочетанию воды и суши, умеренному климату, срединному расположению, а также тому, что многочисленные реки и каналы открывают доступ в обширные области страны, удаленные от океана. Хотя залив очень красив, на свете есть немало других, превосходящих его по красоте; однако вряд ли найдется другое такое место, которое объединяло бы столько благоприятных условий для развития торговли. Неистощимая в своей щедрости Природа словно нарочно расположила остров Манхэттен на месте, лучше которого для закладки города трудно придумать. Даже если бы здесь поселились миллионы людей, корабли могли бы грузиться у каждого дома. Поверхность земли обладает здесь всем необходимым для жизни и счастья людей, а недра ее богаты полезными ископаемыми.

Благодаря удачному местоположению, умеренному климату и водным путям сообщения, изрезывающим вдоль и поперек

территорию города, Нью-Йорк имел все данные для быстрого развития. Ничем не примечательный в прошлом столетии провинциальный город, выросший поразительно быстро даже для истории нашей необыкновенной, счастливой страны, выходит в один ряд с городами Восточного полушария. Новый Амстердам на Американском континенте уже соперничает со своим старшим тезкой в Европе. Можно с уверенностью предсказать, что через несколько коротких лет он сравняется с самыми гордыми столицами Старого Света. Едва ли найдется другой город, который соединял бы в себе все благоприятствующие развитию торговли условия так, как Нью-Йорк.

В 171... году Нью-Йорк еще был не тем, чем он является теперь, и имел еще мало общего с тем пышным городом Северо-Американских Соединенных Штатов, каким он сделался в позднейшее время. В то время как город Медичи¹ все больше ветшает и Королева Адриатики² дремлет на своих занесенных илом островах, а Рим можно отыскать лишь по руинам храмов и поверженным колоннам, юная мощь Америки быстро покрывает дикие и пустынные земли Запада благостными плодами человеческого трудолюбия.

Для жителей Манхэттена, привыкшего к лесу корабельных мачт, к причалам, растянувшимся на многие мили, к бесчисленным виллам и фортециям, к сотне церквей, к деловито снующим и дымящим в гавани пароходам, к ежедневным изменениям, которые претерпевает родной город, картина, которую мы собираемся нарисовать, покажется незнакомой и странной. Следующее поколение, возможно, посмеется над тем, что сейчас вызывает наше восхищение; все же мы попытаемся напомнить читателю его страну, какой она была сто лет назад.

Рано утром 3 июня 171... года пушечный выстрел прокатился по сонным водам Гудзона. Тотчас в одной из амбразур форта, расположенного при впадении этой реки в залив, показался дымок, и на флагштоке форта медленно развернулся

¹ Город Медичи — имеется в виду Флоренция.

² Королева Адриатики — так называли Венецию.

флаг Великобритании — красный крест на синем поле. На расстоянии нескольких верст смутно рисовались очертания мачт корабля, едва выделявшихся на зелени лесов, покрывавших высоты острова Штатов. Ответный сигнал крейсера чуть слышным ударом достиг города, флаг же его нельзя было различить из-за дальности расстояния.

Когда раздался первый выстрел, на пороге одного из самых богатых домов города показался человек, очевидно его владелец. Следом за хозяином, вероятно отправлявшимся в какую-то поездку, которая должна была занять целый день, на порог вышел негр средних лет; другой негр, помоложе, нес под мышкой небольшой сверток с дорожными вещами.

— Умеренность, Эвклид, умеренность и бережливость — вот к чему все вы должны стремиться, — начал или, вернее, продолжил на сочном и звучном голландском языке владелец дома, отдавая старшему слуге последние распоряжения перед отъездом. — Бережливость многих сделала богатыми, но еще никого не доводила до нужды. Благодаря бережливости дом мой пользуется уважением, и, поверь мне, ни один купец в колониях не имеет лучшей репутации и более широких связей в деловом мире, чем я. Ты лишь отражение благосостояния своего хозяина, и поэтому, мошенник, с тем большим рвением должен блюсти мои интересы. Если тело погибнет, что станется с тенью? Если я прихворну — ты зачахнешь; если я буду жить впроголодь — ты умрешь голодной смертью; если я умру — ты... М-м-м... Оставляю на твое попечение мое добро, дом и конюшни, и чтоб беречь мою добрую славу! Слышишь, Эвклид? Я отправляюсь в «Сладкую прохладу» отдохнуть на лоне природы... Чума и мор! Видно, народ будет без конца валить в этот перенаселенный город, и здесь станет так же невыносимо, как в Роттердаме в разгар лета. В твоём возрасте уже следует кое в чем разбираться, и, я надеюсь, ты будешь заботливым и благоразумным хранителем моего жилища, пока я отсутствую. Так вот, сударь, я недоволен компанией, которую ты водишь: это неприлично для доверенного слуги человека, занимающего видное положение в обществе.

Что касается твоих двоюродных братьев Брома и Кобуса, то они просто мерзавцы, не говоря уж об английском негре Диомеде — это отъявленный негодяй! Все ключи уже у тебя, вот тебе еще ключ от конюшни. — Он с явной неохотой достал его из кармана. — Но смотри у меня! Ни одна лошадь не должна покидать стойло, разве что на водопой. И следы, чтоб их кормили точно в назначенное время. Проклятые мошенники! Для манхэттенского негра нет разницы между фламандским мерином и паршивой клячей, и он носится на нем в полночь по дорогам, словно ведьма на помеле! Эвклид, у меня есть глаза на затылке, ты знаешь по горькому опыту. Помнишь, бродяга, как я из Гааги увидел, что ты скачешь на лошадях по лейденской гати, все время беспощадно погоняя их, словно сам сатана?

— Это какой-нибудь злой человек донес тогда хозяину, — угрюмо и не очень уверенно пробурчал негр.

— Мои глаза донесли мне! Не будь у хозяина глаз, хороший порядок завели бы негры на белом свете! В толстой книге — ты видел, я особенно часто заглядываю в нее по воскресеньям — записаны отпечатки ног всех негров на острове; и, если кто-нибудь из этих бездельников посмеет появиться на моей земле, можешь быть уверен, что ему не избежать знакомства с городским тюремщиком! И о чем только думают эти мошенники? Уж не считают ли они, что я купил в Голландии лошадей, потратился на их объездку, перевоз и страховку, рисковал, что они заболеют в пути, и все ради того, чтобы видеть, как у них с ребер оплывает жир, словно воск с кухонной свечки!

— Все худое всегда приписывается негру! — проворчал тот, которого хозяин называл Эвклидом. — Кто же тогда делает всю полезную работу? Интересно знать, какой цвет кожи был у капитана Кидда?

— Какой бы ни был, черный или белый, Кидд был отпетый негодяй, и ты знаешь, как он кончил. Еще раз напоминаю тебе, что этот морской разбойник начал с того, что скакал по ночам на лошадях своих соседей. Его судьба должна бы явиться пре-

достережением всем неграм в колонии. Исчадья тьмы! У англичан довольно своих негодяев на родине, и они вполне могли бы уступить нам этого пирата, чтобы мы повесили его здесь, на островах, для устрашения всех черномазых Манхэттена.

— Это и белому было бы полезно посмотреть, — проворчал Эвклид, обладавший упрямством избалованного голландского негра, своеобразно сочетавшимся с привязанностью к человеку, в услужении которому он вырос. — Говорят, на корабле Кидда было всего двое черных, и те родом из Гвинеи.

— Укороти свой язык! И смотри хорошенько за моими лошадьми. Постой, вот тебе два флорина: один для твоей матери, другой тебе... Но если я узнаю, что твоя компания гоняла моих лошадей, беда всей Африке! Голод и скелеты! Я семь лет откармливал своих лошадок...

Эту фразу старик бросил, уже удаляясь от дома. В его душе явно шла борьба между врожденной склонностью к непослушанию и тайным страхом перед способностью хозяина все узнавать на расстоянии. Пока хозяин еще не скрылся из виду, негр с сомнением следил за ним, но, как только тот завернул за угол, оба негра на крыльце многозначительно переглянулись, покачали головами и, разразившись громким смехом, вошли в дом. До самого вечера преданный слуга стоял на страже интересов отсутствующего хозяина с верностью, доказывавшей, что он считает свое существование неотделимым от человека, полагающего себя вправе распоряжаться его жизнью. Но как только часы пробили десять, он и уже упомянутый молодой негр взгромоздились на ленивых, разжиревших лошадей и галопом проскакали несколько миль в глубину острова, чтобы повеселиться в одном из притонов, посещаемых людьми их цвета кожи и положения.

Если бы это мог предвидеть олдермен¹ Миндерт ван Беверут, то, без сомнения, его походка утратила бы степенность, с которой он продолжал свой путь. По спокойному выражению

¹ Олдермен — член городского совета. (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)